

УДК 33
ББК 65.6я43
О30

Редакционная коллегия:

В. А. Березина, А. И. Богомолов, А. Н. Чистиков

О30 Обычный человек в необычное время: К 60-летию со дня рождения С. В. Ярова : сборник статей. — СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2021. — 208 с., [12 + 1] с. ил.

ISBN 978-5-94380-318-5

В 2019 году исполнилось бы 60 лет со дня рождения доктора исторических наук, профессора Сергея Викторовича Ярова (1959–2015). В сборник вошли статьи, подготовленные по материалам докладов на конференции, которая состоялась осенью 2019 года, публикации по истории ленинградской блокады, воспоминания о С. В. Яrove и ранее не публиковавшиеся документы о его научной деятельности.

Проблематика сборника определена научными интересами С. В. Ярова, выбором тем и сюжетов, изучению которых он посвятил жизнь: человек в годы революции, Гражданской войны и нэпа; человек во время блокады; человек в историческом источнике; историография изучения советской истории первой половины XX века.

Сборник предназначен как для специалистов, так и для всех читателей, интересующихся историей Отечества.

УДК 33
ББК 65.6я43

В оформлении обложки использована почтовая карточка «Ленинград. Проспект 25 Октября» (Изд-во «Союзфото», Ленинград, фото С. Г. Бамунер и Э. М. Хаикин).

ISBN 978-5-94380-318-5

© Авторы, 2021
© Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2021

Н. В. Михайлов

Индустриальный труд и рабочий протест в России, 1917-1929¹

Современная историография, как российская, так и зарубежная, в изучении рабочего протеста следует марксистской традиции, которая, с одной стороны, часто преувеличивала зрелость рабочего класса России, а с другой, давала собственную интерпретацию протестных настроений рабочих, зачастую игнорируя или искажая их истинные мотивы. Партийные теоретики очень часто выдавали желаемое за действительное и общими марксистскими фразами маскировали весьма архаичные представления рабочих, которые происходили не только из идеологических постулатов, но и из конкретного опыта, связанного с приспособлением выходца из деревни к новому и непривычному для него индустриальному труду.

Проходил этот процесс довольно болезненно в силу большой разницы в условиях крестьянского и индустриального труда. Поступив на фабрично-заводское производство, выходец из деревни неизбежно испытывал чувство дискомфорта. Здесь он попадал в совершенно иную атмосферу, пронизанную грохотом машин. Здесь его ожидал непривычный монотонный трудовой ритм, более жесткая дисциплина, иная интенсивность труда и более высокие требования к квалификации, иные физические нагрузки, часто усугублявшиеся вредными для здоровья условиями производства. И если к физическим трудностям выходец из деревни рано или поздно привыкал и с ними мирился, то

---

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 20-18-00369 «Процессы легитимации насилия: культура конфликта в России и эскалация Гражданской войны».

психологическая атмосфера, царившая в фабрично-заводской промышленности, оставалась очень сильным раздражителем на протяжении длительного времени в силу контраста в организации крестьянского и индустриального труда.

Основная ячейка крестьянского производства — крестьянская семья. За пределами своей деревни крестьяне работали артелями, состоявшими из родственников или односельчан, что позволяло им поддерживать отношения, основанные на традиционных крестьянских моральных ценностях. На фабрике выходец из деревни попадал в большой производственный коллектив, состоявший из малознакомых людей и организованный с позиций логики рационального индустриального производства с разделением труда на множество операций, где часто не видно конечного результата, где человек ощущал себя винтиком огромной машины. Если в крестьянском производстве преобладали родственные или товарищеские отношения, а распорядительные и исполнительные функции часто объединялись в одном лице, то индустриальный труд оставлял рабочему только исполнительные функции и требовал от него неукоснительного подчинения распоряжениям начальства. Непривычное ощущение полной зависимости от фабрично-заводской властной иерархии в лице мастеров, инженеров, заведующих цехами и прочих начальников усугублялось их грубым, а порой и оскорбительным отношением к рабочим, весьма характерным для многих промышленных предприятий и унижавшим чувство человеческого достоинства, особо ценимого представителями традиционного общества.

Процесс становления пролетариата, привыкания крестьянина к индустриальному труду был сложным и болезненным. И в ходе этого процесса в сознании рабочего трансформировались и использовались многие представления и практики, присущие крестьянскому миру с его отрицанием частной собственности, опытом самоорганизации и самоуправления, традиционными приемами организации производства в рамках крестьянской семьи, общины или артели.

Противоречия между организацией индустриального труда и традиционными крестьянскими практиками порождали в рабочей среде мощные протестные настроения. Требования вежливого обращения и удаления замеченных в грубости представителей администрации выдвигались на самых ранних этапах рабочего движения, а всплески

этих требований, означавшие крайнюю степень возбуждения рабочих, наблюдались как во время подъемов рабочего движения в 1905, 1912 и 1917 годах, так и в ходе конфликтов в раннесоветское время². Более того, рабочие не только протестовали против существовавших на промышленных предприятиях порядков, унижавших их человеческое достоинство, но и сумели предложить собственную оригинальную модель организации индустриального производства и своего места в нем.

Уже в 1905 году были сформулированы и опробованы на практике принципы «рабочей конституции» или «автономии», в основе которых лежали пять базовых требований: 1) вежливое обращение с рабочими и увольнение замеченных в грубости представителей администрации; 2) выборы органов рабочего представительства и обособление рабочего коллектива от администрации; 3) право коллектива на участие в решении вопросов найма и увольнения; 4) право на участие в выработке расценок и правил внутреннего распорядка; 5) замена административного контроля круговой порукой — коллективной ответственностью за поддержание дисциплины, соблюдение правил внутреннего распорядка и результаты производства. Эти требования не имели непосредственной целью улучшение экономического положения рабочего, но свидетельствовали о его неприятии существующих порядков организации индустриального производства и места рабочего в этой организации.

К сожалению, исследователи рабочего движения, за редким исключением, до настоящего времени в соответствии с той же марксистской традицией подразделять все требования рабочих на политические и экономические никак не выделяют эту группу требований и относят их к числу экономических. Однако особый характер этих требований сразу же был замечен предпринимателями, которые уже в 1905 году усмотрели в них вмешательство рабочих коллективов в управление предприятиями и резко выступили против посягательств рабочих на права собственников. 28 июня 1912 года Петербургское общество заводчиков и фабрикантов приняло особую конвенцию,

---

² Так, число жалоб рабочих на «дурное обращение и побои» увеличилось с 1275 в 1904 до 6855 в 1905 году и с 1031 в 1911 до 12595 в 1912 году (Свод отчетов фабричных инспекторов за 1904 г. СПб., 1907. С. IX; То же за 1905 г. СПб., 1908. С. XIV; То же за 1911 г. СПб., 1911. С. LVII; То же за 1912 г. СПб., 1913. С. LVIII).

запрещавшую удовлетворять требования, лежавшие в основе «рабочей конституции»³. В 1913 году статистики Московского общества заводчиков и фабрикантов выделили в особую группу требования, касающиеся «моральных условий труда», а статистики Совета съезда представителей промышленности и торговли к политическим и экономическим требованиям добавили группу классовых — «требования введения старост, вежливого обращения», поставив ее на второе место после политических требований⁴.

Несмотря на то что в годы Первой русской революции рабочие коллективы показали способность к самоорганизации и добились значительных успехов в продвижении требований «рабочей конституции», их усилия не были поддержаны руководителями левых партий. На страницах «Известий» Петербургского совета рабочих депутатов 1905 года нет ни одного упоминания о борьбе рабочих за фабрично-заводское представительство. Хотя успеху рабочих в значительной мере способствовало участие революционно настроенных «сознательных» и партийных рабочих, вставших во главе фабрично-заводских коллективов, опыт рабочей самоорганизации не стал предметом специального анализа партийных теоретиков, которые ограничивались лишь признанием «творчества масс». Видимо, марксистам трудно было понять, зачем рабочие так близко к сердцу принимали результаты производственной деятельности, зачем брали на себя ответственность за поддержание трудовой дисциплины, что, по их мнению, было в интересах предпринимателей, а не рабочих.

В дни Февральской революции 1917 года движение за «рабочую конституцию» достигло такого размаха, что игнорировать его было уже невозможно. Вначале оно носило стихийный характер и инициировалось снизу самими рабочими. Временное правительство и эсеро-меньшевистское руководство Петроградского совета пытались его ограничить рамками буржуазного права и защитить предпринимателей от вмешательства рабочих в управление предприятиями. Большевики в апреле 1917 года после возвращения в Петроград В. И. Ленина, не имея большинства в Совете, сделали ставку на фабзавкомовское

³ Балабанов М. От 1905 к 1917 г. Массовое рабочее движение. М.; Л., 1927. С. 35-37, 207, 208.

⁴ Там же. С. 237.

движение, по достоинству оценив высокую степень самоорганизации рабочих коллективов, его мощный протестный потенциал и радикализм, в основе которых лежали антибуржуазные максималистские настроения рабочих и вмешательство в управление производством, объективно подрывавшее основы буржуазных отношений.

Картина фабзавкомовского движения была очень сложной и противоречивой. Перед современным исследователем предстает такое разнообразие форм и полномочий фабрично-заводских организаций в 1917 году, что порой кажется невозможным определить их общие черты. Картина проясняется, если в основу анализа положить уже упомянутые выше требования «рабочей конституции». Тогда станет понятно, что это разнообразие порождено упорным противоборством рабочих коллективов и предпринимателей, а также администраций казенных предприятий. Не всегда и не везде рабочие смогли добиться от хозяев полного удовлетворения своих требований от первого до последнего пункта. И если удаление представителей ненавистной рабочим администрации удавалось практически повсеместно, то вмешательству рабочих в вопросы найма и увольнения, установления расценок, соблюдения внутреннего распорядка, поддержания дисциплины хозяева яростно сопротивлялись, что не помешало некоторым наиболее организованным коллективам добиться выполнения всего пакета требований, а в ряде случаев ввести полное самоуправление задолго до Октября 1917 года, как, например, на Сестрорецком оружейном заводе и ряде предприятий Урала⁵.

Введенный Лениным в политический лексикон 1917 года лозунг рабочего контроля покрывал собой все разнообразие рабочего творчества, благодаря своей универсальности и большевистской пропаганде он был принят рабочими и вытеснил из употребления лозунг «рабочей конституции» или автономии. Возглавив фабзавкомовское движение, большевики оказали заметное влияние на организованность и радикализацию рабочего протеста. Лозунг рабочего контроля отвечал настроениям рабочих, к осени 1917 года борьба рабочих за его осуществление привела к большевизации советов и усилению влияния левых социалистов во всех рабочих организациях, включая профсо-

⁵ Иткин М. Л. Рабочий контроль накануне Великого Октября. М., 1984. С. 115.

юзы. Антипредпринимательская направленность фабзавкомовского движения была созвучна целям социалистической революции, а его мощь и организованность стали одним из существенных факторов, предопределивших победу большевиков в Октябре 1917 года⁶.

Лозунг рабочего контроля занимал важное место в ленинской концепции социалистической революции и построения основ социалистического общества, сформулированной в августе-сентябре 1917 года в работе «Государство и революция»: «Учет и контроль — вот главное, что требуется для "налажения", для правильного функционирования *первой фазы* [курсив автора] коммунистического общества»⁷. Причем, учет и контроль, по убеждению Ленина, «*упрощен* [курсив автора] капитализмом до чрезвычайности, до необыкновенно простых, всякому грамотному человеку доступных операций наблюдения и записи, знания четырех действий арифметики и выдачи соответственных расписок»⁸. Эта ленинская мысль о простоте управления удивительным образом перекликалась с уверенностью рабочих в возможности самостоятельно наладить управление своим заводом или фабрикой.

После прихода большевиков к власти уже ничто не мешало рабочим воплотить идеалы «рабочей конституции». Принятое ВЦИК 14 ноября 1917 года «Положение о рабочем контроле» законодательно закрепило право фабзавкомов диктовать свою волю предпринимателям («решения органов рабочего контроля обязательны для владельцев предприятий») и открыло дорогу к национализации производства⁹. Сопротивление предпринимателя рабочим, как правило, заканчивалось обращением фабрично-заводского коллектива к правительству с требованием национализации предприятия. Вначале предприятия

---

⁶ Подробнее о природе рабочего творчества и его интерпретации партийной интеллигенцией в 1917 году см.: Михайлов Н. В. Язык революции: «Рабочая конституция» или рабочий контроль в 1905 и 1917 гг. // Эпоха войн и революций. 1914-1922. Материалы международного colloquium (Санкт-Петербург, 9-11 июня 2016 г.) / под ред. Б. И. Колоницкого и др. СПб., 2017. С. 351-374.

⁷ Ленин В. И. Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции. (Август-сентябрь 1917 г.) // Полн. собр. соч. Т. 33. М., 1969. С. 101.

⁸ Там же.

⁹ Рабочий контроль в промышленных предприятиях Петрограда 1917-1918 гг. Сборник документов. Л., 1947. С. 234.

передавались в руки рабочих отдельными актами правительства. 31 декабря 1917 года представители фабричного комитета Ростокинской красильно-аппретурной фабрики обратились в Совет народных комиссаров с прошением конфисковать предприятие. Правительству они предоставили «Обязательство» от имени фабкома «поднять производительность труда», «установить в предприятии полный порядок и трудовую дисциплину» и т. д. (всего девять пунктов). 4 января 1918 года их просьба была удовлетворена¹⁰.

Общие положения о порядке управления национализированными предприятиями начали разрабатывать только весной 1918 года. Организация правлений возлагалась на фабрично-заводские комитеты при участии советов народного хозяйства (местных или ВСНХ, в зависимости от подчиненности предприятий), назначавших 2/3 состава правления, а также профсоюзов и рабочих предприятия, избравших оставшуюся треть. На деле в связи с отсутствием в распоряжении правительственных органов достаточного кадрового резерва как до национализации крупной промышленности в июне 1918 года, так и позднее формирование правлений предприятий целиком находилось в ведении рабочих коллективов, избравших членов заводоуправлений на общих собраниях¹¹.

Не подлежит сомнению, что в результате революции 1917 года фабрично-заводским коллективам удалось добиться права на рабочее самоуправление в той форме, о которой они мечтали в предреволюционные десятилетия. Однако практическое воплощение в жизнь показало нежизнеспособность этой модели. Встает вопрос, насколько эта модель вообще была совместима с принципами организации индустриального производства.

Ее несомненными плюсами были желание рабочих вникать в процесс организации производства, способность переживать за его результаты и готовность брать на себя ответственность. Именно эти

---

¹⁰ Протоколы заседаний Совета народных комиссаров РСФСР. Ноябрь 1917 — март 1918 г. М., 2006. С. 184-187.

¹¹ Гимпельсон Е. Г. Рабочий класс в управлении Советским государством. Ноябрь 1917 — 1920 г. М., 1982. С. 57, 265, 266; Дробижев В. З. К истории оргайов рабочего управления на промышленных предприятиях в 1917-1918 гг. // История СССР. 1957. № 3. С. 43-44.

качества рабочих, помноженные на способность к самоорганизации, позволяли Ленину надеяться на успешное обобществление производства на принципах рабочего самоуправления. В марте 1918 года он писал: «Социалистическая организация производства в общегосударственном масштабе: управляют *рабочие организации* (профессиональные союзы, фабрично-заводские комитеты и т. д.) под общим руководством Советской власти, единственно *суверенной* [курсив автора]»¹². На волне энтузиазма рабочие действительно могли показать примеры высокой производительности, но как только волна энтузиазма спадала, падала и производительность труда¹³.

Существенным минусом было стремление рабочих обособиться от администрации и выступать по отношению к ней как единое целое. Если по отношению к заводууправлению коллектив действительно мог выступать автономно, то среднее административное звено неизбежно оказывалось внутри этого целого и попадало в полную зависимость от рабочих, которыми должно было управлять. Эта особенность отмечалась уже в 1917 году: «На некоторых единичных заводах, где мастера, прежде чем исполнить какое-либо распоряжение заводууправления, справлялись у рабочего коллектива, не встретится ли с его стороны препятствий к осуществлению данного распоряжения»¹⁴. Позднее директор Днепропетровского завода Н. П. Теплов сетовал на случаи открытого неподчинения рабочих начальнику цеха из спецов и особенно мастерам, выдвинутым из рабочих же: «Тебя избрали и переизберем. Не рыпайся!»¹⁵ Один из профсоюзных активистов Иваново-Вознесенской губернии отмечал непростое положение рабочего-выдвиженца в коллективе: «В ряде случаев рабочие отворачиваются от своих выдвиженцев, как те только не поддерживают их (рабочих. — Н. М.). Особо остро стоит этот вопрос по отношению к тем, кто по ведомой работе должен участвовать в проведении дисциплины

---

¹² Ленин В. И. Черновой набросок проекта программы. Не позднее 8 марта 1918 г. // Полн. собр. соч. Т. 36. М., 1974. С. 74.

¹³ Вмешательство рабочих в управление производством в Петрограде в 1917 году в целом не имело отрицательных последствий. См.: *Соболев Г. Л.* Революционное сознание рабочих и солдат Петрограда в 1917 г. Л., 1973. С. 79-81.

¹⁴ Там же. С. 72-73.

¹⁵ XV конференция ВКП(б). Стенографический отчет. М., 1927. С. 315.

или назначении зарплаты»¹⁶. Обособление, автономное существование рабочего коллектива плохо сочеталось со сложной структурой индустриального производства и разрушало свойственную ему административную иерархию.

Самым главным недостатком рабочего самоуправления оказалась его неспособность поддерживать дисциплину. В рабочих коллективах принцип коллективной ответственности (круговой поруки), заменявший административный контроль, показал свою несостоятельность. То, что было хорошо для крестьянской артели, в индустриальном производстве оказалось неприемлемым. Непопулярные меры, к которым вынуждены были прибегать фабзавкомы в целях поддержания дисциплины, приводили к запускавшим механизм отрицательного отбора конфликтам между рабочей массой и вожаками. Чтобы сохранить жизнеспособность предприятий, правительство уже в конце 1918 года вынуждено было прибегнуть к экстраординарным мерам, включавшим милитаризацию и трудовую мобилизацию¹⁷. 14 ноября 1919 года Ленин подписал «Положение о рабочих дисциплинарных товарищеских судах», которое предусматривало применение самых жестких наказаний к нарушителям трудовой дисциплины, вплоть до заключения в концентрационный лагерь¹⁸.

Подавляющее большинство исследователей рабочей истории не замечали и не замечают противоречивого характера рабочей производственной демократии, которая пыталась совместить знакомые рабочим архаичные практики с организацией современного индустриального производства как в период военного коммунизма, так и в годы новой экономической политики, когда в практику управления предприятиями были возвращены экономическое стимулирование и жест-

---

¹⁶ *Кириштейн П.* [Краткая докладная записка] Б/д (среди документов 1926 г.) // Государственный архив Ивановской области (далее — ГАИО). Ф. П-2. Оп. 1. Д. 2105. Л. 1 об.

¹⁷ *Борисова Л. В.* Трудовые отношения в Советской России (1918-1924 гг.). М., 2006. С. 33-54.

¹⁸ Декрет Совета народных комиссаров «О рабочих дисциплинарных товарищеских судах (Положение)». 14 ноября 1919 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1919 год. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1943. С. 767-769.

кий административный контроль¹⁹. Редким исключением из общего правила является работа Даяны Коенкер, посвященная становлению трудовых отношений в советской полиграфической промышленности 1918-1930 годов. Хотя автор не связывает особенности советской производственной демократии с традиционными представлениями рабочих, ее наблюдения говорят сами за себя.

Коенкер убедительно показала, что становление советской системы трудовых отношений определялось не только диктатом коммунистов: «Но в рамках того, что я назвала совместной диктатурой коммунистов, печатники активно участвовали в усилиях по контролю за своими рабочими местами и разработке собственного видения социалистической культуры»²⁰. Сложность процессов управления на уровне предприятий усугублялась противоречивым сознанием самих рабочих: «Социализм для рабочих означал как рациональное централизованное управление, так и признание их права контролировать условия фабрично-заводской жизни и процесса производства. Эти две цели исключали друг друга, и достигнуть их вместе было определено трудной задачей»²¹.

Это наблюдение заставляет более внимательно посмотреть на те цели, которые ставили коммунисты в ходе различных кампаний 1920-1930-х годов, таких как производственные совещания, выдвижение рабочих кадров, ударничество, стахановское движение, различные виды социалистического соревнования и т. п. Традиционная точка зрения считает целью этих мероприятий привлечение рабочих к управлению производством, преодоление пассивности, пробуждение в рабочей среде энтузиазма и заинтересованности в результатах

---

¹⁹ *Борисова Л. В.* Трудовые отношения; *Ульянова С. Б.* «То на скаку, то на боку». Массовые хозяйственно-политические кампании в петроградской / ленинградской промышленности в 1921-1928 гг. СПб., 2006; *Ульянова С. Б., Офицерова Н. В.* Заводское сообщество и власть в Советской России 1920-х гг. СПб., 2017; *Чураков Д.* Революция, государство, рабочий протест: формы, динамика и природа массовых выступлений рабочих в Советской России. 1917-1918 гг. М., 2004; *Он же.* Бунтующие пролетарии: рабочий протест в Советской России (1917-1930-е гг.). М., 2007.

²⁰ *Koenker Diana P.* Republic of Labor. Russian Printers and Soviet Socialism, 1918-1930. Ithaca: London, 2005. P. 307.

²¹ *Ibid.* P. 308.

производства, повышение дисциплины и производительности труда, сосредоточение усилий рабочих коллективов на решении наиболее актуальных производственных задач. Такой подход воспринимает рабочих как объект воздействия со стороны партии и государства. Попробуем рассмотреть реакцию самих рабочих на такое воздействие на примере производственных совещаний, начало которым было положено на ленинградских предприятиях в 1924 году и перед которыми стояла задача улучшить организацию производства.

Размах этой кампании был впечатляющим. В 1925 году производственные совещания только на предприятиях Ленинграда рассмотрели 20 532 предложения рабочих по улучшению производства. Во время Всесоюзного смотра производственных совещаний 1928-1929 годов рабочие внесли по всей стране 320 тысяч предложений²². Однако с самого начала кампании обозначилось различное понимание ее целей партийно-хозяйственным руководством и рабочими коллективами.

В информационном докладе Ленинградского губкома РКП(б) за 15 июля — 15 октября 1924 года сообщалось: «На первых порах задачи кружков были поняты рабочими кое-где неправильно: в некоторых местах думали, что кружок должен пересматривать исключительно нормы выработки, расценки и т. п.»²³. Такое «неправильное», с точки зрения партийного и хозяйственного руководства, понимание задач производственных совещаний было широко распространено среди рабочих и порождало многочисленные конфликты с администрацией предприятий.

6 января 1925 года управляющий Сестрорецким оружейным заводом В. Васильев, усмотревший в деятельности производственных кружков попытки «вмешиваться в административные функции заведывающих мастерскими в виде требования от техперсонала всевозможных справок», категорически запретил техперсоналу выполнять подобные требования и пригрозил «при всякой попытке производственных кружков внести дезорганизацию» в порученное ему про-

²² *Остапенко И. П.* Участие рабочего класса СССР в управлении производством (Производственные совещания в промышленности в 1921-1932 гг.). М., 1964. С. 29, 37, 70.

²³ Цит. по: *Ульянова С. Б.* «То на скаку, то на боку». С. 366.

изводство «немедленно удалять таковых из мастерской»²⁴. Инцидент получил огласку, и Васильеву пришлось объясняться на XXI губернской партконференции. Из его речи следовало, что конфликт между рабочими и администрацией завода зашел гораздо глубже.

Вместо решения насущных проблем производства «кружки занялись перемыванием технического персонала». Так, по словам управляющего, «кружок механической маст[ерской] обсуждал на своем совещании вопрос о непригодности главного механика; кружок инструментальной мастерской — о непригодности мастеров; образцовой мастерской — о непригодности калильного мастера; кузнечной — о непригодности наладчика и т. д. А параллельно с этим не было рассмотрено ни одного большого места производства, которых имеется непочатый край»²⁵. Губком осудил «спесь тов. Васильева», т. е. форму, но не суть его распоряжения. «Уклоны производкружка» было поручено выправлять коммунистической части заводууправления²⁶.

Жаркая дискуссия о роли производственных совещаний разгорелась в ЛГСПС на совещании представителей профорганизаций и хозорганов 7 июля 1925 года. Для того чтобы удержать внимание рабочих и их производственную активность, представители союзов выступали за расширение программы работы производственных совещаний и за переход от мелочей к обсуяждению общих вопросов работы предприятий. Красные директора, напротив, подчеркивали надуманность вопросов, которые обсуждались на слишком часто, по их мнению, собиравшихся совещаниях. Председатель Ленинградского машиностроительного треста Михайлов наиболее полно выразил мнение хозяйственников: «Вести производство митингами нельзя. Производственные совещания должны перейти к систематической работе, потому что выносить сотни предложений — это фантазия. <...> О том, чтобы производственные совещания управляли заводами, не может быть и речи»²⁷.

Одна из участниц Кинешемской уездной конференции профсоюза текстильщиков 1927 года Кулакова заявила, что «предложения

²⁴ Там же. С. 369-370.

²⁵ Там же. С. 370-371.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. С. 371-372.

рабочих, которые делаются на производственных совещаниях, в жизнь не проводятся, причины не объясняют»²⁸. Во время смотра производственных совещаний 1928-1929 годов звучали требования рабочих об издании специального закона, который обязывал бы администрацию реализовывать предложения, принятые производственными совещаниями, в строго установленные сроки²⁹. И ответ правительства на эти требования последовал незамедлительно.

18 июля 1929 года СНК СССР принял постановление, в котором потребовал «всемерно усилить и улучшить работу производственных совещаний». СНК обязал «государственные хозяйственные органы принять срочные меры к проведению в жизнь всех принятых администрацией, но задерживающихся осуществлением предложений производственных совещаний и отдельных рабочих и служащих»³⁰. По соглашению с профсоюзными организациями предприятий эти предложения распределялись по двум категориям, причем отнесенные к первой категории требовалось исполнить немедленно, а отнесенные ко второй — включить в план с указанием сроков исполнения. Постановление возложило личную ответственность за своевременное рассмотрение предложений производственных совещаний на директоров предприятий. Предусмотрено было и усиление мер материального поощрения для участников совещаний: администрация обязывалась выплачивать 50 % премии сразу после принятия рабочих предложений, а оставшуюся часть — после их осуществления³¹.

В инициативах центральных профсоюзных органов по распространению совещательных форм многие, особенно хозяйственные руководители, видели попытку возвращения к старой практике вмешательства рабочих в управление. Откровеннее других их опасения

²⁸ Вырезка из информсводки Иваново-Вознесенского губкома ВКП(б) от 28 мая 1927 г. // ГАИО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 2103. Л. 236.

²⁹ *Остапенко И. П.* Участие рабочего класса СССР в управлении производством. С. 72.

³⁰ Постановление СНК СССР «О мерах к усилению работы производственных совещаний и использованию инициативы рабочих и служащих в деле улучшения производства» от 18 июля 1929 г. // Постановления партии и правительства по хозяйственным вопросам. 1917-1967. Сборник документов за 50 лет. М., 1967. Т. 2: 1929-1940 гг. С. 93-94.

³¹ Там же.

на XV партийной конференции ВКП(б) выразил Д. Б. Рязанов, предлагавший на выстрел не подпускать рабочих к управлению предприятием и утверждавший, что «двоевластие на предприятии <...> означает крах данного учреждения». То, что такие опасения справедливы, подтвердил отклик на его обращение к залу: «Те немногие рабочие, не-хозяева, которые тут присутствуют, протестуют молчаливо. Они находят, что производственные совещания смогут управлять предприятиями. (Голос с места: "Да")»³².

Несомненно, партийные и советские органы отдавали себе отчет в том, что от производственных совещаний зачастую было больше вреда, чем пользы. Даже если рабочие не выходили за предписанные им рамки, сотни и тысячи выдвигаемых ими предложений при внимательном их рассмотрении способны были привести к полному параличу в работе технического персонала и неминуемо порождали конфликтные ситуации. Тем не менее совещания продолжали существовать. На одном из пленумов Ленинградского губкома ВКП(б) С. М. Киров отмечал, что производственные совещания нужны, так как дают *впечатление* влияния рабочих на производство и участия их в управлении³³. Именно создание *впечатления* участия рабочих в управлении и являлось для руководства страны одной из главных целей кампании, ради которой управленцам и специалистам предлагалось мириться с ее очевидными издержками.

Этой же цели служила и новая инициатива 1929 года — социалистическое соревнование. По замыслу ЦК ВКП(б), оно должно было стать «одним из важнейших методов социалистического воспитания пролетариата и вовлечения самых широких рабочих масс в дело хозяйственного управления»³⁴. Очевидно, что и в этом случае слова об участии рабочих в управлении — не более чем лукавство. На деле новая кампания должна была служить проведению в жизнь «основных практических задач социалистической индустрии по снижению

³² XV конференция ВКП(б). С. 359-361.

³³ Ульянова С. Б. «То на скаку, то на боку». С. 363. К сожалению, дата заседания пленума не указана.

³⁴ Постановление ЦК ВКП(б) «О социалистическом соревновании фабрик и заводов» от 9 мая 1929 г. // Постановления партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 2. С. 53-55.

себестоимости, повышению производительности труда и усилению трудовой дисциплины»³⁵. Партийным же организациям ЦК ВКП(б) предписывал внушать рабочим мысль о том, что между управлением и обучением управлению нет никакой разницы: «Единачалие не исключает привлечения широких масс к делу управления, оно только ограничивает функции непосредственного управления от обучения»³⁶.

Реакция рабочих на одну из самых массовых кампаний 1920-х показывает, что они по-прежнему, как и в предреволюционные годы, пытались заявить свои права не на иллюзорное, а реальное участие в организации производства. Партийная же политика заключалась не в привлечении рабочих к управлению, а в отстранении от реальных рычагов управления при одновременном сохранении впечатления участия. Рабочих возмущало, когда их конкретные предложения игнорировались. «Выросший рабочий, умеющий ценить свое достоинство <...> хочет гарантии того, что его советы и предложения не будут брошены в корзину», — отмечал представитель Сибкрайкома Л. И. Гинсбург на XV конференции ВКП(б) в 1926 году³⁷. Рабочие по-прежнему заявляли о своем праве на участие в кадровой политике. Особенно остро они реагировали на голое администрирование и неуважительное отношение к себе со стороны начальства. Недовольство могли вызвать самые невинные, с точки зрения администрации, поступки.

5 января 1927 года на вечере вопросов и ответов для рабочих фабрики «Зарядье» в Иваново-Вознесенске был задан вопрос директору фабрики: «Тов. Давыдов <...> к вам ходят рабочие, то почему вы с ними не обходитесь, как люди вас просят с ними говорить, а вы пускаете на них насмешки, а [за] это вы получите взвойкой³⁸ или стулом по кудрявой башке у себя в кабинете». Другой рабочий упрекал директора в нетоварищеском отношении к рабочим: «Приглашает ли он, когда рабочий говорит с ним, на стул — нет»³⁹.

³⁵ Постановление ЦК ВКП(б) «О социалистическом соревновании фабрик и заводов» от 9 мая 1929 г.

³⁶ Там же. С. 10.

³⁷ XV конференция ВКП(б). Стенографический отчет. М., 1927. С. 343.

³⁸ Взвойка — валик для накатки ткани.

³⁹ Список вопросов и ответов на вечере вопросов и ответов для рабочих фабрики «Зарядье» Вознесенской мануфактуры 5 января 1927 г. в помещении Нардома // ГАИО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 2103. Л. 48 об., 49 об.

Иваново-Вознесенский губернский отдел ГПУ за 1926 год зафиксировал «272 случая выражения недовольства рабочими во взаимоотношениях с администрацией, из них: действиями и распоряжениями администрации] — 172; грубым обращением — 75 фактов и наблюдающимся протекционизмом, кумовством, опиванием рабочих — 25 ф[актов]». В качестве наиболее характерных причин недовольства были отмечены: стремление администрации всячески увеличить норму выработки (Лежневская фабрика треста «Ивтекстиль»), строгость директора (Родниковская мануфактура), неправильный, с точки зрения рабочих, прием на работу (Льнопрядильная фабрика 1-го Льноуправления, Середский уезд), пьянство администрации во время работы на глазах у рабочих (лесопильный завод фабрики Родниковской мануфактуры)⁴⁰.

Весьма показательным был конфликт между администрацией и рабочими на Боркомбинате Новгородской губернии, возникший в начале 1926 года в связи с введением новых правил внутреннего распорядка. Как отмечалось на заседании бюро Боровичского укома ВКП(б) 23 февраля, новые правила послужили не столько причиной, сколько поводом для эскалации протестных настроений рабочих: «...на почве незнания действительного положения дела на заводах в рабочей массе, на почве подмечаемых ими (рабочими. — Н. М.) ряда всевозможных недочетов по производству и во взаимоотношениях с администрацией шло брожение и росло в отдельных слоях недовольство»⁴¹.

Специальная комиссия по расследованию инцидента на заводах Боркомбината установила, что на предприятии организовалась группа недовольных из 15 рабочих, проводившая секретные совещания, которыми руководили пять человек, среди которых было три члена ВКП(б), один кандидат (со стажем не более 2 лет) и один беспартийный. Им вменялось в вину, что они ввели в заблуждение остальных членов группы и вместо обсуждения только правил внутреннего распорядка

⁴⁰ Вырезка из спецсводки Ивановского губернского отдела ГПУ за время с 1 января 1926 по 1 января 1927 г. 2В января 1927 г. // ГАИО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 2103. Л. 388.

⁴¹ Из протокола заседания бюро Боровичского укома ВКП(б) от 23 февраля 1926 г. // Новгородская земля в эпоху социальных потрясений. 1918-1939 гг. Сборник документов в 2-х кн. СПб., 2006. Кн. 1. С. 160.

«на самом деле большую часть заседания посвятили чисто политическим вопросам, как-то: выявлению недостатков в производстве, составлению петиции и т. д.»

Комиссия признала, что недовольство рабочих имело под собой реальную почву: «значительная перегрузка заводов при отсталости состояния оборудования» и, главное, оторванность всех руководящих органов коллектива — администрации, партийных и профсоюзных комитетов — от основной массы рабочих, их неспособность наладить информирование и разъяснительную работу в коллективе. Введение правил внутреннего распорядка комиссия оценила как мероприятие «не совсем обдуманное, мало проработанное (неумелое)». «В руководстве заводоуправления со стороны партруководителя — директора завода, — отмечалось в заключении комиссии, — чувствуется почти полная оторванность от рабочих масс, редкое посещение отдельных цехов, невнимательное отношение к нуждам рабочих, грубое обращение и т. д. <...> Чересчур большая, по мнению комиссии, опека со стороны тов[арища] Богданова как директора заводов над специалистами»⁴².

Участники секретных совещаний, как свидетельствуют материалы расследования, и ранее занимали активную жизненную позицию, входили в состав производственных комиссий и совещаний комбината, писали заметки в стенную газету с критикой администрации, в том числе заведующего производством. Но опыт легальной деятельности в рамках существующих заводских организаций — профсоюзных и партийных — их явно разочаровал. Они действовали помимо официальных структур и традиционно возлагали надежды на вышестоящие инстанции, к которым и собирались обратиться с петицией. Примечательно, что в материалах дела отсутствует критика и обсуждение правил внутреннего распорядка по существу. Все внимание комиссии было сосредоточено на проблеме взаимоотношений рабочих с администрацией, а также роли завкома и партийной организации в этом деле. Не оспаривалась по существу и позиция рабочих активистов, цеховые собрания осудили их за «сепаратист-

⁴² Из заключения специальной комиссии по расследованию инцидента на заводах Боркомбината. 15 марта 1926 г. // Новгородская земля в эпоху социальных потрясений. Кн. 1. С. 162-164.

ские и неорганизованные действия», то есть за форму, но не за содержание⁴³.

Партийное расследование инцидента на Боркомбинате показало, что рабочих возмутили не столько сами правила внутреннего распорядка, сколько способ их проведения в жизнь — без разъяснений и учета мнения коллектива. Руководители предприятия — и администрация, и завком, и партком — не только не посчитали нужным учесть мнение рабочих по данному поводу, но даже не предприняли попытки создать иллюзию их участия в решении принципиально важного для них вопроса. Этому рабочие стерпеть не смогли, их протест был направлен против возвращения старого, дореволюционного стиля руководства предприятием — ничем не прикрытого голого администрирования.

Примечательно, что симпатии комиссии Боровичского укома ВКП(б) оказались на стороне рабочих, наиболее серьезные претензии были высказаны в адрес администрации и завкома. Партийное руководство уезда не могло допустить откровенно пренебрежительного отношения к рабочим со стороны администрации и технических специалистов и поставило последних на место. Никаких организационных мер против рабочих не последовало, все ограничилось осуждением «организовавшейся группы» на цеховых собраниях, а поведение членов партии было передано на обсуждение партийной организации комбината.

Изучение истории рабочих как позднеимперской России, так и раннесоветского времени все еще находится в плену марксистской историографии. Исследователи сталкиваются с объективными трудностями, поскольку представления рабочих чаще всего доходят до них в интерпретации партийной интеллигенции. Как отмечал в свое время С.В. Яров, «плохо уловимо прежде всего самое содержание мыслей, чувств и настроений столь аморфной социальной общности, как рабочие»⁴⁴. Чтобы выяснить реальное содержание, приходится очищать мысли, чувства и настроения от идеологических наслоений, искать подтверждение словам в действиях и поступках, приятии

⁴³ Там же. С. 162-163.

⁴⁴ Яров С. В. Пролетарий как политик. Политическая психология рабочих Петрограда в 1917-1923 гг. СПб., 1999. С. 4.

и неприятию лозунгов и призывов, а также в эмоциональных реакциях на конфликтные ситуации.

Наше исследование показало, что в ряду требований, которые марксистская традиция всегда относила к разряду чисто экономических, рабочие с особым упорством отстаивали требования морально-го характера, проявлявшиеся в ходе приспособления выходцев из деревни к индустриальному труду. Рабочие как в предреволюционные десятилетия, так и в период становления советского экономического и социального строя связывали свое человеческое достоинство с принятыми в крестьянском мире моральными ценностями, в числе которых было не только вежливое, уважительное отношение, но и активная, самостоятельная роль труженика в производственном процессе. Предложенная рабочими модель управления фабрично-заводским предприятием, опиравшаяся на архаичные практики крестьянской организации труда, оказалась несовместимой с принципами организации крупного индустриального производства и была отвергнута в годы военного коммунизма.

Однако партийным и государственным руководителям и в 1920-е годы приходилось учитывать причины и характер протестных настроений рабочих. Отгесняя их от реальных рычагов управления предприятиями, решительно отвергая наиболее архаичные представления, связанные с недооценкой умственного труда, значения производственной дисциплины и административной иерархии, они пытались сохранить заинтересованность рабочих в результатах производства, создать иллюзию участия в управлении предприятиями. Если хозяйственные руководители проявляли склонность к голому администрированию, то партийные деятели действовали более гибко и находили весьма оригинальные способы приобщения рабочих к решению производственных задач.

Рассматривая рабочие протестные выступления 1920-х годов, необходимо иметь в виду, что зачастую их острое было направлено не столько против повышения интенсивности индустриального труда и ужесточения производственной дисциплины, сколько против форм и способов проведения этой политики, демонстрировавших пренебрежительное, неуважительное отношение к труженику.

Библиография

- Балабанов М.* От 1905 к 1917 г. Массовое рабочее движение. М.; Л., 1927.
- Борисова Л. В.* Трудовые отношения в Советской России (1918-1924 гг.). М., 2006. С. 33-54.
- Вырезка из информсводки Иваново-Вознесенского губкома ВКП(б) от 28 мая 1927 г. // ГАИО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 2103.
- Вырезка из спецсводки Ивановского губернского отдела ГПУ за время с 1 января 1926 по 1 января 1927 г. 28 января 1927 г. // ГАИО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 2103. Л. 388.
- Гимпельсон Е. Г.* Рабочий класс в управлении Советским государством. Ноябрь 1917 - 1920 г. М., 1982.
- Декрет Совета народных комиссаров «О рабочих дисциплинарных товарищеских судах (Положение)». 14 ноября 1919 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1919 год. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1943. С. 767-769.
- Дробижев В. З.* К истории органов рабочего управления на промышленных предприятиях в 1917-1918 гг. // История СССР. 1957. № 3. С. 38-56.
- Иткин М. Л.* Рабочий контроль накануне Великого Октября. М., 1984.
- Киритейн П.* [Краткая докладная записка] Б/д (среди документов 1926 г.) // ГАИО. Государственный архив Ивановской области. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 2105.
- Ленин В. И.* Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции. (Август-сентябрь 1917 г.) // Полн. собр. соч. Т. 33. М., 1969. С. 1-120.
- Ленин В. И.* Черновой набросок проекта программы. Не позднее 8 марта 1918 г. // Полн. собр. соч. Т. 36. М., 1974. С. 70-76.
- Михайлов Н. В.* Язык революции: «Рабочая конституция» или рабочий контроль в 1905 и 1917 гг. // Эпоха войн и революций. 1914-1922. Материалы международного коллоквиума (Санкт-Петербург, 9-11 июня 2016 г.) / под ред. Б. И. Колоницкого и др. СПб., 2017. С. 351-374.
- Новгородская земля в эпоху социальных потрясений. 1918-1939 гг. Сборник документов в 2-х кн. СПб., 2006.
- Остапенко И. П.* Участие рабочего класса СССР в управлении производством (Производственные совещания в промышленности в 1921 — 1932 гг.). М., 1964.
- Постановления партии и правительства по хозяйственным вопросам. 1917-1967. Сборник документов за 50 лет. М., 1967. Т. 2: 1929-1940 гг.

- Протоколы заседаний Совета народных комиссаров РСФСР. Ноябрь 1917 - март 1918 г. М., 2006.
- XV конференция ВКП(б). Стенографический отчет. М., 1927.
- Рабочий контроль в промышленных предприятиях Петрограда 1917-1918 гг. Сборник документов. Л., 1947.
- Свод отчетов фабричных инспекторов за 1904 г. СПб., 1907.
- Свод отчетов фабричных инспекторов за 1905 г. СПб., 1908.
- Свод отчетов фабричных инспекторов за 1911 г. СПб., 1911.
- Свод отчетов фабричных инспекторов за 1912 г. СПб., 1913.
- Соболев Г. Л.* Революционное сознание рабочих и солдат Петрограда в 1917 г. Л., 1973.
- Список вопросов и ответов на вечере вопросов и ответов для рабочих фабрики «Зарядье» Вознесенской мануфактуры 5 января 1927 г. в помещении Нардома // ГАИО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 2103.
- Ульянова С. Б.* «То на скаку, то на боку». Массовые хозяйственно-политические кампании в петроградской / ленинградской промышленности в 1921-1928 гг. СПб., 2006.
- Ульянова С. Б., Офицера Н. В.* Заводское сообщество и власть в Советской России 1920-х гг. СПб., 2017.
- Чураков Д.* Революция, государство, рабочий протест: формы, динамика и природа массовых выступлений рабочих в Советской России. 1917—1918 гг. М., 2004.
- Чураков Д.* Бунтующие пролетарии: рабочий протест в Советской России (1917-1930-е гг.). М., 2007.
- Яров С. В.* Пролетарий как политик. Политическая психология рабочих Петрограда в 1917-1923 гг. СПб., 1999.
- Koenker Diana P.* Republic of Labor. Russian Printers and Soviet Socialism, 1918-1930. Ithaca; London, 2005.